

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Совсем недавно российская военная школа отметила свое трехсотлетие. Не все было гладко в процессе становления и развития системы подготовки командных кадров для вооруженных сил России. За прошедшие годы военное образование знало и значительные взлеты, и периоды упадка. Тем не менее, главным итогом проделанной за три столетия работы стал накопленный богатейший опыт, который можно с успехом использовать и в современных условиях.

В настоящее время военная школа переживает не лучшие времена. Наряду с финансовыми и хозяйственными, встают проблемы чисто педагогического характера. Среди них наиболее остро – задача повышения качества знаний и умений будущих офицеров. Отзывы о молодых офицерах, получаемые из частей, свидетельствуют, что выпускники вузов зачастую имеют весьма посредственную подготовку и не справляются с возложенными на них обязанностями.

Причин создавшегося положения предостаточно. Не секрет, что в результате произошедших в обществе перемен резко снизился уровень подготовки учащихся средней общеобразовательной школы. Во многих школах отсутствует мотивация учеников на хорошую учебу, поэтому значительная часть курсантов, вчерашних школьников, не выработала целевой установки на получение прочных знаний. В лучшем случае их интересует отметка, которая пойдет в диплом, но никак не конкретные знания или умения. Они учатся по инерции, с трудом переходя с курса на курс.

Положение осложняется еще и тем, что, как показывают исследования,

проведенные в одном из ярославских военных учебных заведений, свыше одной трети курсантов не находят прямой связи между качеством своей учебы и успешностью будущей службы. Более того, значительная часть обучаемых считает, что карьерный рост зависит в основном от влиятельности родственников или личных связей с «нужными людьми».

Много претензий в этой связи предъявляется к педагогам военно-учебных заведений. Уровень их квалификации в современных условиях не может не вызывать тревоги. Об этом говорят и социологические исследования. Так, если в условиях академического образования, по самым скромным подсчетам, до 30% преподавателей не имеют специального педагогического образования, то в отдельных военных институтах и филиалах университетов эта цифра достигает 80%, а более половины кафедр возглавляют офицеры, не имеющие научно-педагогической квалификации [1].

Все вышесказанное, наряду с длинным перечнем других причин, в конечном итоге снижает уровень профессиональной подготовленности офицерских кадров, а, следовательно, и боевую готовность армии и флота. И это при том, что современным Вооруженным Силам необходимы выпускники вузов, адаптированные к изменившимся условиям жизнедеятельности войск, способные творчески решать новый тип практических и познавательных задач, осознавать и усваивать культурные ценности, выработанные обществом. Проблема повышения качества получаемого образования не нова, она стояла и перед нашими предшественниками. В разные годы она

решалась по-разному и с различной степенью успеха. Видимо, будет небезынтересно рассмотреть некоторые из путей решения этой проблемы, приводившие к положительным результатам.

По свидетельству специалистов, своего качественного пика военное образование России достигло во второй половине XIX века, когда в результате проведенных реформ значительно улучшилось качество подготовки специалистов для армии и флота. Учитывая, что современные Вооруженные Силы России находятся в состоянии реформирования, этот период вызывает наибольший интерес исследователей. Обратимся к нему и мы.

Стало уже азбучной истиной положение о том, что качество подготовки специалистов зависит, прежде всего, от качественного состава преподавателей. Именно в вопросе обеспечения военной школы высококвалифицированным преподавательским составом во второй половине XIX века был сделан качественный скачок.

Как известно, университетский устав 1863 года предоставил высшей школе значительную автономию, в том числе право выбора ученым советом университета ректора и проректора, избрание по конкурсу профессоров, избрание на советах факультетов деканов и др. Все эти нововведения с учетом военной специфики внедрялись и в военной школе.

Анализ системы подготовки профессорско-преподавательского состава в дореволюционной России наглядно показывает, что ее создатели пытались целенаправленно противодействовать попыткам занять должность преподавателя некомпетентными специалистами. С другой стороны, также целенаправленно велась политика повышения социального статуса военного педагога. На обеспечение этих главных задач была

направлена вся совокупность мероприятий, проводившихся по отбору, подготовке, повышению квалификации и стимулированию преподавателей для военно-учебных заведений.

Во второй половине XIX века подготовка военно-педагогических кадров осуществлялась по следующим направлениям:

- в военно-педагогических заведениях России. В указанный период таковыми являлись Учительская семинария и Педагогические курсы, образованные при Московском училище военного ведомства в 1864 году;
- через систему отбора профессорско-преподавательского состава для средних и высших военно-учебных заведений.

В семинарию и на курсы принимались в первую очередь лица, имеющие высшее образование. На оставшиеся вакансии могли претендовать офицеры, прослужившие в частях армии не менее 2-х лет.

Объем знаний, навыков и умений, полученных семинаристами и слушателями педагогических курсов, давал им возможность успешно решать учебно-воспитательные задачи в средних общеобразовательных военно-учебных заведениях.

При нехватке педагогических кадров на должности преподавателей производился отбор из числа наиболее способных и талантливых офицеров и гражданских преподавателей. Основная масса кандидатов допускалась к преподаванию в военных и юнкерских училищах только после успешной сдачи экзамена и проведения пробных лекций.

Исключение составляли лишь профессора, адъюнкты и преподаватели военных академий. Для высших военно-учебных заведений (академий) отбор профессорско-преподавательского состава был еще более жестким [2]. Военные педагоги имели ряд льгот по сравнению с войсковыми офицерами, что

способствовало престижности их службы, повышало ответственность за качество и результаты своего труда и одновременно являлось мощным стимулом к развитию профессиональных качеств. В частности, офицер-педагог получал жалование на ступень выше при исчислении срока службы (каждые 5 лет службы в училище засчитывались за 7 лет), ему предоставлялось право обучать своих детей за казенный счет и ряд других льгот. Выше было и жалование. В результате такой целенаправленной работы даже в средних военно-учебных заведениях сосредотачивались лучшие педагогические и научные кадры страны [3].

К сожалению, в начале царствования Александра III Педагогические курсы (1883 г.) и семинария Военного ведомства (1885 г.) были закрыты. Гражданские воспитатели были заменены офицерами, в большинстве своем не имевшими педагогических навыков, хорошего строевика предпочитали педагогу. Эта тенденция стала доминирующей в вузах Русской Армии, поэтому очень скоро качественный состав преподавателей претерпел изменения далеко не в лучшую сторону, особенно в провинциальных учебных заведениях. По воспоминаниям А. А. Игнатъева [4], за исключением 4-5 преподавателей Киевского кадетского корпуса, *«все остальные педагоги были ничтожества и смешные карикатуры»* [5].

Тенденция замещения преподавательских должностей офицерами-практиками, не имеющими педагогического образования, была характерна также и для вузов Советской Армии [6]. В настоящее время она продолжает оставаться доминирующей в военно-учебных заведениях Российской Армии. Более того, по сравнению с недавним прошлым положение ухудшилось.

Конечно, перестройка системы подготовки педагогических кадров потребует значительных материальных затрат и времени, но если мы не хотим лишиться свою армию и флот всесторонне образованных и высокопрофессионально подготовленных офицеров, начинать ее необходимо уже сейчас.

В то же время в опыте наших предшественников есть и находки, претворение которых в жизнь не потребует значительных издержек, но может принести при правильном использовании значительный эффект. Каждое военно-учебное заведение в выборе форм и методов учебно-воспитательного процесса обладало некоторой степенью самостоятельности, но при этом все они руководствовались правилом, что *«общая цель воспитания состоит в том, чтобы развить в душе питомца нравственную норму во всей ее чистоте и привести в строгое согласие с этой нормой все его действия, затем развить духовные способности воспитанника и преподать ему требуемые знания и умения...»* [7].

Одним из лучших учебных заведений России середины XIX века заслуженно считался Морской корпус [8]. Он являлся основным учебным заведением, готовящим кадры флотских офицеров. Учебно-воспитательная работа в корпусе всегда была на высоте. Курс обучения, по отношению к армейским учебным заведениям, был значительно сложнее, особенно в отношении математики, иностранных языков и морского дела. Благодаря этому из стен Морского корпуса вышли знаменитые флотоводцы, великие путешественники, а также немало и тех, кто составил славу русской науке и искусству.

Успехам питомцев корпуса в немалой степени способствовал умело поставленный воспитательный процесс. Конечно, некоторые методы воспитания в современных условиях воспринимаются не более как

занимательный курьез, большинство же других способов улучшения учебно-воспитательного процесса заслуживают самого пристального внимания.

Так, во времена обучения в корпусе великого русского композитора Н. А. Римского-Корсакова [9] за прилежание кадеты в качестве премии получали яблоки и груши, имена отличившихся заносились на «красную доску», провинившихся же ставили «под лампу», то есть под люстру в огромном зале, и давали в обед лишь хлеб и щи.

Воспитанников младших классов, получавших по двенадцатибалльной системе по наукам «0» либо «1», наказывали розгами каждую субботу [10].

Наибольший же интерес вызывает следующее: подавляющее большинство офицеров – выпускников Морского корпуса обладали умением быстро ориентироваться в сложной обстановке, самостоятельно принимать правильное решение, проявлять инициативу. В немалой степени этому способствовал такой (незначительный на первый взгляд) элемент жизни учебного заведения, как распорядок дня.

По свидетельству академика А. Н. Крылова [11], в описываемый период он представлял собой следующее:

Побудка	6 ч. 30 м. утра
Утренняя гимнастика	7 ч. 15 м. – 7 ч. 30 м.
Утренний чай	7 ч. 30 м. – 7 ч. 45 м.
Первый урок	8 ч. 00 м. – 9 ч. 25 м.
Второй урок	9 ч. 30 м. – 11 ч. 00 м.
Завтрак и свободное время	11 ч. 00 м. – 11 ч. 30 м.
Строевые учения	11 ч. 30 м. – 1 ч. 00 м.
Третий урок	1 ч. 00 м. – 2 ч. 30 м.
Свободное время	2 ч. 30 м. – 3 ч. 30 м.
Обед	3 ч. 30 м. – 4 ч. 00 м.
Свободное время	4 ч. 00 м. – 7 ч. 00 м.
Приготовление уроков	7 ч. 00 м. – 9 ч. 00 м.
Вечерний чай	9 ч. 00 м. – 9 ч. 15 м.
Желающие ложиться спать	9 ч. 15 м.
Всем ложиться спать	11 ч. 00 м.

Крылов поясняет: «*Время с 7 до 9 ч. практически было также свободное, номинально оно предназначалось для «приготовления уроков», т. е. надо было*

сидеть у своей конторки и не разговаривать, а заниматься чем угодно, не мешая другим, хотя бы решением шахматной задачи, чтением любой книги или журнала, но не развернутых во весь лист газет.

Это обилие свободного времени [12], не раздробленного на малые промежутки и не занятого чем-нибудь обязательным, способствовало развитию самостоятельности и самообразования, поэтому громадное большинство занималось по своему желанию тем, что каждого в отдельности интересовало: многие изучали историю, особенно военно-морскую, читали описания плаваний и путешествий, литературные произведения, занимались модельным делом или постройкой шлюпок и т. п.» [13]

И далее «...общее направление преподавания было... «как можно меньшему учить, как можно большему учиться самим» [14].

Другими словами, уже в то время руководители Морского корпуса хорошо понимали педагогическую истину: «ничему нельзя научить, можно только научиться» и умело выполняли главную задачу учебного заведения – создать условия, способствующие этому. Такая установка при отличном подборе преподавателей давала сугубо положительный эффект. Из стен корпуса выходили отличные моряки, в которых не был угашен дух независимости, способные на принятие самостоятельных решений в обстановке различного уровня сложности.

К сожалению, с ужесточением общего курса в системе образования претерпел изменение и жизненный уклад воспитанников училищ. Стараясь избежать вольнодумства среди будущих офицеров, командование вузов стремилось различными мерами сократить свободное время юнкеров. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в военных училищах, готовивших

офицеров для сухопутных войск. Распорядком дня жизнь юнкера в училище была строго регламентирована, при этом на личные нужды ему отводилось очень мало времени [15]. Такая заведомо порочная практика сохраняется и ныне. Современные распорядки дня военно-учебных заведений предусматривают всего около полутора часов свободного времени для курсанта, тем самым значительно урезая его возможности получать знания самостоятельно и повышать свой культурный и общеобразовательный уровень. При этом чтение художественной литературы в часы самостоятельной подготовки к занятиям также, мягко говоря, не приветствуется. Важным стимулом к учебе в военных учебных заведениях дореволюционной России служил также ведущийся с начала обучения список учащихся. Это был своеобразный рейтинговый лист, в котором учитывались оценки каждого кадета (юнкера) и выставлялся средний балл. Список размещал всех выпускников в зависимости от их успеваемости и дисциплинированности с первого до последнего, а в целом делил всех на три разряда. Окончившие училища по 1-му разряду (не менее 8 баллов [16] в среднем по военным предметам, не менее 6 по остальным и не менее 9 по поведению и знанию строевой службы) выпускались подпоручиками [17], а лучших могли прикомандировывать к гвардейским частям для перевода в них после годичного испытания и по представлению гвардейского начальства. Окончившие курс по 2-му разряду (не менее 7, 5 и 8 баллов соответственно) выпускались прапорщиками [18], а по 3-му разряду (все прочие) – направлялись в полки юнкерами на 6 месяцев, после чего производились в офицеры без дополнительного экзамена и сверх вакансий [19].

Другими словами, от успехов в учебе и дисциплине напрямую зависел дальнейший служебный, а чаще всего и жизненный путь молодого офицера. Более того, подобная система выпуска предполагала определенную справедливость в выборе места службы, вне зависимости от происхождения, поэтому и отношение к учебе было несколько иным, чем сейчас. Вот как описывал процесс разбора вакансий А. И. Деникин [20]: *«Перед выходом в последний лагерь происходил важный в юнкерской жизни акт – разбор вакансий. В списке по старшинству в голове помещались фельдфебеля, потом училищные унтер-офицеры, наконец, юнкера по старшинству баллов. На юнкерской бирже вакансии котировались в такой последовательности: гвардия (1 вакансия), полевая артиллерия (5-6 вакансий), остальные пехотные. Помню, какое волнение и некоторую растерянность вызывал в нас акт разбора вакансий. Ведь, помимо объективных условий и личных вкусов, было нечто провиденциальное в этом выборе тропинки на нашем жизненном пути, на переломе судьбы. Этот выбор во многом предопределял уклад личной жизни, служебные успехи и неудачи – и жизнь, и смерть. Для помещенных в конце списка остаются лишь «штабы» с громкими историческими наименованиями – так назывались казармы в открытом поле, вдали от города, «кавказские урочища» или стоянки в отчаянной сибирской глуши» [21].* Особую важность выбору части придавало сложившееся в русской армии положение, при котором офицеры, поступая в тот или иной полк, за редким исключением, служили в нем до отставки. Переводы из части в часть практиковались крайне редко, и поэтому выбор вакансии значил для любого молодого офицера очень много.

Конечно, современная офицерская жизнь не так драматична. Начало службы в отдаленном гарнизоне не означает, что офицер проведет всю свою жизнь именно в этой части. Но возможность определять свою судьбу своими же успехами в учебе и службе была бы не лишней и сейчас. Более того, зависимость стартовых возможностей не от прихоти начальника или от занимаемого положения ближайших родственников значительно повысила бы интерес всех категорий курсантов к учебе и дисциплинированному поведению. В то же время необходимо заметить, что существующая ныне четырехбалльная система оценки знаний («отлично», «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно») недостаточно точно отражает уровень успеваемости обучаемых относительно друг друга, и часто одинаковые отметки ставятся за очень разные по силе ответы курсантов. Преподавателям для дифференцирования оценки приходится прибегать к своеобразным уловкам и определять уровень знаний обучаемых как на «четыре с минусом», «пять с плюсом» и т. п.

Поэтому при возможном введении рейтинговой градации курсантов необходимо будет изменить и систему оценки их знаний в сторону увеличения количества получаемых баллов. При этом для обязательных предметов понятие «зачет» теряет свой смысл и возможно лишь для факультативных дисциплин. Оптимальным мне представляется вариант, когда каждая из существующих отметок разбивается на три части. Таким образом, мы получаем все ту же двенадцатибалльную систему, которая существовала в высших и средних учебных заведениях России до 1917 года. Это позволит более гибко и точно оценивать уровень знаний и умений курсантов, а в целом способствовать повышению заинтересованности их в успешной учебе.

Сейчас ни у кого не вызывает возражения тезис о том, что офицерский корпус является стержнем вооруженных сил любой страны. Историческим опытом неоднократно была доказана истина: «каковы офицеры – такова и армия». И поэтому успех проводимой в России военной реформы во многом зависит от того, какими будут офицеры обновленной армии и смогут ли они достойно ответить на вызов времени. Для этого необходимо значительное улучшение качества их обучения и воспитания, серьезные изменения в системе военного образования, так как, говоря словами русского военного писателя Н. Морозова, «... *победа или поражение армии на полях сражений вовсе не является делом случая, не приходит извне, а лежит в самой армии, подготавливается всей ее жизнью в период мира. И в зависимости от того пути, по которому идет воспитание армии в мирное время, ждут ее на войне или блестящие победы, или позорные неудачи*» [22].

Примечания

1. Желтобрюх С. П. Профессионально-педагогическая подготовка преподавателей военно-учебного заведения: Монография. Ярославль: Изд-во ЯФВФЭУ, 2001. С.6.
2. Подробнее об этом см. Желтобрюх С. П. Указ. соч. С. 10—30.
3. В разное время в военно-учебных заведениях преподавали известные ученые: Д. И. Менделеев, А. Н. Крылов, М. В. Остроградский, В. Ф. Буныковский и др.
4. Игнатъев Алексей Алексеевич (1877—1954) – русский военный дипломат и писатель. В 1891—1894 гг. обучался в Киевском кадетском корпусе.
5. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1988. С. 37.
6. Исключение составляли преподаватели социально-гуманитарных дисциплин. Их подготовкой занимался педагогический факультет Военно-политической академии им. В. И. Ленина.
7. Инструкция по воспитательной части для военных гимназий и прогимназий. СПб., 1881. С.3.
8. Одно из старейших военно-учебных заведений России. Морской корпус ведет свое происхождение от учрежденной в 1701 г. в Москве Школы математических и навигацких наук и основанной в 1715 г. в Санкт-Петербурге Академии морской гвардии. Сам корпус образован в 1752 г. под названием Морского шляхетского корпуса. С 1867 по 1891 гг. назывался Морским училищем.
9. Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908) – русский композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель. В 1856-1862 гг. обучался в Морском корпусе.
10. См. Е. Абрамов, В. Солодахин, М. Краснов. Моряк, композитор, дирижер // Морской сборник. 1994. № 3. С. 88.
11. Крылов Алексей Николаевич (1863—1945) – выдающийся кораблестроитель, математик, механик, академик Российской академии наук с 1916 г. (академик АН СССР). В 1878—1884 обучался в Морском училище (Морском корпусе)
12. В общей сложности 6—8 часов свободного времени.
13. Крылов А. Н. Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1984. С.64.
14. Там же.
15. См. Коровин В. М., Свиридов В. А. "Настоящая честь военного человека состоит в благородном поведении" / Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С.37.
16. По 12-балльной системе.
17. Звание «подпоручик» соответствует современному воинскому званию «лейтенант».
18. Звание «прапорщик» соответствует современному воинскому званию «младший лейтенант».
19. См. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С.112.
20. Деникин Антон Иванович (1872—1947) – военачальник, военный писатель, генерал-лейтенант (1916). В 1890—1892 гг. обучался в Киевском юнкерском училище.
21. Деникин А. И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. С.51, 52—53.
22. Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плац-парада. СПб., 1910. С. 11.